

Н. Л. Сухачев

ЛИНГВО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ АТЛАСЫ РОМАНСКИХ ЯЗЫКОВ

В последнее время отмечается интенсивное развитие картографических методов в общественных науках. В области языкознания для территории романских языков издано в составе лингвистических атласов более 50 тыс. карт. Широко охвачены картографированием германская (более 3000 карт) и славянская (более 4000 карт) группы языков, угрофинские языки (свыше 500 карт), японский язык (около 1000 карт); начата подготовка лингвистического атласа Европы¹. Обобщающие этнолингвистические карты содержатся в таких изданиях, как «Атлас народов мира», подготовленный Институтом этнографии им. Н. Н. Миклухого-Маклая АН СССР, «Атлас языков зоны Тихого и Индийского океанов» Р. Зальцнера. Большой размах получили региональные историко-этнографические исследования, агроэтнография, география фольклора; ведется подготовка историко-этнографического атласа Европы². Различие школ и методов, а также тематическая специфика разных картографических изданий и их полиграфическая основа делают этот материал труднообозримым, а часто и недоступным для непосредственного сопоставления. В настоящей статье сделана попытка охарактеризовать лингво-этнографические атласы, в частности региональные атласы Франции, в качестве источника историко-этнографических сведений.

Тематическое картографирование в общественных науках — не обновление метода и не зарождение новой дисциплины «на стыке наук» (географии, этнографии, языкознания). Речь может идти лишь об единстве подхода к явлениям социального общечеловеческого характера в историческом и географическом аспектах. При этом сохраняется все своеобразие предмета и методов исследования отдельных гуманитарных дисциплин³. Предпосылкой использования лингвистических атласов в

¹ Первый выпуск материалов к этому атласу посвящен анализу названий колеса в европейских языках, см.: A. A. Weijnen and M. L. Alinei, *The wheel in the Atlas Linguarum Europae. Heteronyms and semantic density*, Amsterdam, 1973. В программе атласа большое внимание уделено историко-этническим процессам и явлениям культурного и бытового порядка в рассматриваемом регионе.

² О состоянии и проблематике ареальных исследований в лингвистике, этнографии, фольклористике, археологии см., в частности, сб. «Проблемы картографирования в лингвистике и этнографии», Л., 1974; об историко-этнографическом атласе Европы см.: «Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук. Москва (3—10 августа 1964 г.)», т. VIII, М., 1970, стр. 516—533; С. И. Брук, С. А. Токарев, Международная конференция по этнографическому атласу Европы и сопредельных стран, «Сов. этнография», 1968, № 5, С. И. Брук, Историко-этнографическое картографирование и его современные проблемы, «Сов. этнография», 1973, № 3, стр. 5—7.

³ Ср., например, следующие выводы, вытекающие из проблемы соотношения этнографии со смежными науками: «...любые попытки „поглощения“ (целиком или в отдельных разделах) одной науки другой могут дать при современном уровне дифференциации и специализации научных знаний лишь неудовлетворительные результаты».

Круг лексики лингво-этнографических атласов * (количество карт)

Круг лексики	AIS	ALG	ALLy	ALEA	Круг лексики	AIS	ALG	ALLy	ALEA
Степени родства	32	27	—	—	Луг, сенокос	24	38	52	—
Рождение, брак, смерть	24	91	—	—	Огородничество	37	14	—	—
Ремесла	71	—	—	73	Выращивание и обработка конопли и льна	28	—	—	—
Лес, орудия и труд дровосека	85	83	27	12	Виды зерновых, полевые работы, сельскохозяйственный инвентарь	57	93	88	128
Дикие животные	13	35	—	63	Виноградарство и виноделие	44	33	39	35
Одежда, ткани, обувь	27	86	51	—	Выращивание маслин и производство масла	5	—	—	22
Части тела, болезни и их лечение	33	77	—	—	Плодоводство	56	40	52	28
Игры и развлечения	2	4	—	—	Животноводство	154	225	51	138
Церковь и клир	27	28	—	—	Транспорт	26	55	25	32
Вера и суеверия	51	7	—	—	Птицеводство	30	24	—	—
Дом и его обстановка	48	90	49	71					
Свет и очаг	29	22	43	26					
Кухня и ее утварь	41	52	—	25					
Еда и питье	55	26	59	—					
Орошение	16	—	—	—					
Пчеловодство	7	6	—	14					

* Круг лексики наиболее характерных лингво-этнографических атласов отражен в таблице частично. При относительной общности тематики, порядок карт и дробность разработки отдельных тем различны, что ограничивает возможности сопоставления карт по содержанию. Принятые сокращения см. в примечаниях 4, 12, 16.

качестве источника этнографических сведений является не только близость тематики лингвистических и историко-этнографических атласов, т. е. терминологическое содержание карт (ср. табл. 1), но и планомерная установка составителей на материальную сферу бытования языка.

После выхода «Лингво-этнографического атласа Италии и южной Швейцарии» К. Яберга и Я. Юда⁴ в романской лингвогеографии стало традиционным широко привлечение этнографического материала (реалий языка). Если первоначальной задачей географии диалектов было установление их границ, «языковых ландшафтов» (Г. Венкер), или изучение истории отдельных слов, «атомистических структур» (Ж. Жильерон), то со временем стала все более намечаться тенденция к выделению комплексных «культурных ландшафтов», вплоть до создания атласов таких регионов, как Средиземноморье, Альпы, Карпаты. Основанием для подобного рода исследований послужила не диалектология, генетически более родственная этнографии, а чисто языковедческая лексикология — идея создания атласов по типу «слова и вещи».

В настоящее время можно говорить о сосуществовании в рамках лингвогеографии двух основных исторически сложившихся направлений: 1) диалектологического; 2) лингвистического, или ареальной лингвистики. Они отличаются не столько объектом исследования — пространственная дифференциация языка, сколько системным подходом к исследуемым фактам: 1) характеристика отдельных диалектов и уточнение их границ; 2) выявление общих закономерностей пространственного

(В. И. Козлов, В. В. Покшишевский, Этнография и география. «Сов. этнография», 1973, № 1, стр. 13); «Видимо, материал смежных наук следует привлекать лишь в той степени, в какой этого требует интерпретация собственного материала» (И. Барабаш, Пространство и время в историко-этнографическом исследовании, «Сов. этнография», 1971, № 6, стр. *87).

⁴ K. J a b e r g, J. J u d, Sprach- und Sachatlas Italiens und der Südschweiz (AIS), Bd 1—8, Zofingen, Schweiz, 1928—1940.

распределения языка в его современном состоянии (в синхронии) и исторической изменчивости (в диахронии). Соответственно по-разному выражается интерес к этнографии. Диалектология, выделившись в свое время из описательной этнографии, вновь смыкается с ней в постановке проблемы этногенеза по данным лингвистической карты, в частности в славянской школе. Ареальная лингвистика, и более всего французские лингвогеографы, подошла вплотную к проблеме комплексного описания лингвистической и этнографической среды.

Основополагающие для лингвистической географии «Лингвистический атлас Франции» (ALF) Ж. Жильерона и Э. Эдмона и «Немецкий лингвистический атлас» Г. Венкера достаточно подробно рассмотрены в литературе, как и полемика, возникшая вокруг этих изданий⁵. Широко известен и «Лингво-этнографический атлас Италии и южной Швейцарии» (AIS) К. Яберга и Я. Юда, которым, по словам И. Йордана, удалось «заложить основы подлинной сравнительной лингвистической географии»⁶. Ориентируясь на принципы Ж. Жильерона в подаче лингвистического материала (непосредственная фонетическая запись форм у каждого пункта в романской лингвогеографии носит название «синтетической карты»), авторы AIS в сочетании и компоновке карт последовательно придерживались метода «слова и вещи». Значительную роль в пропаганде этого метода сыграл Р. Мерингер, исходивший из идеи единства культурно-исторического развития языка и этноса (1904 г.); первичность вещи по отношению к слову постулировал Г. Шухардт (1912 г.). Наиболее плодотворным в этом направлении явился подход М. Л. Вагнера, который рассматривал слова и вещи «в их непосредственной связи и по возможности в историческом плане» (1921 г.). Вагнер впервые предпринял попытку реставрации народного быта на основе лингвистических данных. Его книга «Сельская жизнь сардов в зеркале языка» в оценке Я. Юда — «образец работы, где сочетается одновременное изучение слов и вещей»⁷.

Следуя этой школе, Яберг и Юд значительное внимание уделили фиксации явлений материальной культуры: только в лингвистические карты было включено более 900 рисунков; дополнительно П. Шейермайером было подготовлено этнографическое приложение к ALF, содержащее свыше 4000 фотографий с пояснением терминов и описанием воспроизведенных реалий⁸. Принципиальное значение имела и группировка карт атласа по тематическим признакам (карты AIS располагались в алфавитном порядке слов). Принятый в дальнейшем почти всеми лингвогеографами, и прежде всего в региональных анкетах, круг лексики AIS тесно переплетается с сюжетами историко-этнографического картографирования (табл. 1). Таким образом, стремление к исследованию «истории отдельных слов» (Ж. Жильерон) в сочетании с тенденцией изучения языка на фоне материальной и духовной культуры его носителей⁹ привело к преобладанию в романской лингвогеографии лексических атласов. В то же время необходимость сохранить лингви-

⁵ См.: М. А. Бородин, Проблемы лингвистической географии, М.—Л., 1966, стр. 15—35; В. М. Жирмунский, Немецкая диалектология, М.—Л., 1956, стр. 75—107; И. Йордан, Романское языкознание, М., 1971, стр. 219—295.

⁶ И. Йордан, Указ. раб., стр. 377.

⁷ О школе «слова и вещи» см. там же, стр. 102—116; здесь дается ее история и подробная библиография.

⁸ P. Scheuermeyer, Bauernwerk in Italien, der italienischen und rätoromanischen Schweiz. Eine Sprach- und Sachkundliche Darstellung landwirtschaftlicher Arbeiten und Geräte, Erlenbach—Zurich, 1943; его же, Bauernwerk in Italien, der italienischen und rätoromanischen Schweiz, Bern, 1956.

⁹ А. Доза, выдвинувший в 1939 г. идею создания «Нового лингвистического атласа Франции» по областям, отмечал: «Атлас Италии и Швейцарии Яберга и Юда ... научил меня многому, в частности, необходимости как можно более отражать реальность и сопровождать карты слов таблицами и зарисовками» (A. Dauzat, La méthode des nouveaux atlas linguistiques de la France, «Orbis», t. IV, № 1, 1955, p. 23).

Картографическая нагрузка тематических атласов (этнографические данные)

Атлас	Приемы картографирования	Подача реалий	Опорная сеть	Картографическая основа
AIS	Значки на лексической карте	Пояснительные рисунки, типологические таблицы, комментарии на карте	Точечная опорная сеть, лимитированная	Схематическая, без привязки к географическим координатам
ALEA	Геометрические значки на этнографической карте	»	»	»
ALG	Отсылка к таблицам, римские цифры на лексической карте, изолинии, значки	»	»	»
Этнографический атлас Польши	Геометрические значки	»	Индексная сеть, число пунктов не лимитировано	Схематическая, с привязкой к географическим координатам
Историко-этнографический атлас «Русские»	Количественно дифференцированные геометрические значки, цветной фон	Типологические таблицы, пояснительный текст	Поуездная сеть, статистическая оценка закартографированных пунктов	»

стическую специфику материала (фонетическую форму) способствовала «консервативности» приемов картографирования. При широком применении в германистике и славистике карт обобщающего типа (введение значков, изолиний, заливки, условной штриховки ареалов) в романистике, как правило, сохраняется запись ответов на лексической карте в фонетической транскрипции для каждого пункта. Это резко ограничивает плотность опорной сети и увеличивает масштаб карты, что предопределяет «регионализм» ареальных исследований в лингвистике с точки зрения «технических возможностей» (ср. табл. 2). Во Франции регионализм был обусловлен и методологически — «географическими» традициями культурно-исторического подхода к отдельным территориальным комплексам, «географии человека»¹⁰. Так, А. Л. Терраше, одновременно с Жильероном разрабатывавший принципы «географии диалектов», полагал, что прежде всего важно показать, как связи между людьми (и какие связи) воздействуют на распространение языка, и выделить постоянно действующие человеческие взаимоотношения (*intermediaires humains*) в распространении языка и истории отдельной области¹¹.

¹⁰ См.: О. А. Александровская, Французская географическая школа конца XIX — начала XX века, М., 1972.

¹¹ См.: J. Vabin, A. L. Terracher (16 fevr. 1884 — 4 avril 1955), «*Orbis*», t. IV, № 2, 1955, p. 56. «Человеческий аспект проблемы лингвистических границ, — подчеркивает Ж. Бабен, — поставлен здесь во всем своем объеме» (там же). Опубликованный в 1912 г. атлас А. Л. Терраше отличается от ALF и принципами картографирования — в нем широко применены графические приемы (условная раскраска, изолинии), см.: A. L. Terracher, *Etudes de géographie linguistique. Les aires morphologique dans les parlers populaires du Nord-Ouest de l'Angoumois (1800—1900)*, Atlas, Paris, 1914.

Количественная характеристика лингво-этнографических атласов*

Атлас	AIS	ALEA	ALG	ALLy	ALCB	ALMC	ALCe	ALO
	т. 1—8	т. 1—4	т. 1—4**	т. 1—3	т. 1—2	т. 1—3	т. 1	т. 1
Число пунктов	354	230	169	75	194	55	67	124
Объем анкеты (вопросов)	2000	Нет данных	960	1700	1600	3800	2000	3500
Всего карт	1705	1175	2092	1323	709	1882	616	299
Вспомогательных карт	4	6	29	3	8	6	6	2
Лингво-этнографических карт	47	17	63	70	—	4	—	—
Этнографических карт	—	44	—	1	1	—	—	—
Карт с рисунками	158	73	136	25	140	24	24	—
Отдельных стр. с рис. (типологических таблиц)	21	80	24	4	20	41	8	5
Фотографий на отд. листах	—	7766 (68 л.)	—	—	—	—	—	—

* К вспомогательным отнесены карты рельефа, климата, названий населенных пунктов и т. п.; к лингво-этнографическим — лексические карты при наличии у пунктов отсылок на типы предметов. Типологические таблицы только в AIS и ALEA соответствуют этнографическому содержанию понятия. В большинстве случаев в таблицы собраны образцы реалий. Этнографическая карта в ALLy — типы домов, в ALMC — распространение культуры кукурузы.

** В т. 5 ALG методом изолиний обобщены лингвистические данные предыдущих томов.

В 50—60-х годах, когда повсеместно начался сбор материалов для лингво-этнографических атласов Франции¹², локальный подход к задаче исследования привел в большинстве случаев к пересмотру объема анкет и сети опорных пунктов по областям, к своего рода монополизации авторами отдельных регионов. При этом регионализм был оправдан стремлением к наиболее полной фиксации быстро исчезающих явлений языка и народного быта. Однако тем самым нарушалась полнота материала в целом, и лингвистического и этнографического, последний в ряде атласов незначителен. Наиболее удавшимися из опубликованных можно считать атласы Гаскони (ALG) и Лионэ (ALLy), в которых достаточно полно представлен и этнографический материал, вплоть до включения параллельных «лингво-этнографических» карт, одновременно фиксирующих распределение вещей и их наименований. В целом этнографический материал в лингво-этнографических атласах Франции выступает в качестве дополнительного по отношению к языковому, прежде всего лексическому (табл. 3), даже в тех случаях, когда описа-

¹² В настоящее время опубликованы лингвоэтнографические атласы следующих областей: Лионэ — P. Gardette, Atlas linguistique et ethnographique du Lyonnais, vol. 1—4, Paris, 1950—1968 (ALLy) (Гасконни — J. Séguy, Atlas linguistique et ethnographique de la Gascogne, vol. 1—6, Paris, 1954—1974 (ALG); Центрального Массива — P. Nauton, Atlas linguistique et ethnographique du Massif Centrale, vol. 1—4, Paris, 1957—1963 (ALMC); Шампани и Бри — H. Bourcelot, Atlas linguistique et ethnographique de la Champagne et de la Brie, vol. 1, Paris, 1966 (ALCB); Эльзаса — E. Beyer et R. Matzen, Atlas linguistiques et ethnographique le d'Alsace, vol. 1, Paris, 1969 (ALA); Центра — P. Dubuisson, Atlas linguistique et ethnographique du Centre, vol. 1, Paris, 1971 (ALGe); Юры и Альп — J. Martin et G. Tuailon, Atlas linguistique et ethnographique de Jura et des Alpes du Nord, vol. 1, Paris, 1971 (ALJA); Восточных областей — G. Massignon et B. Horiot, Atlas linguistique et ethnographique de l'Ouest (Poitou, Aunis, Saintonge, Angoumois), vol. 1, Paris, 1971 (ALO); Франш-Конте — C. Dondaine, Atlas linguistique et ethnographique de la Franche-Comté, vol. 1, Paris, 1972 (ALFC); Иль-де-Франс — M.-R. Simoni-Aurembou, Atlas linguistique et ethnographique de l'Ile-de-France et d'Orléanais (Ile-de-France, Orléanais, Perche, Touraine), vol. 1, Paris, 1972 (ALIFO). В стадии подготовки атласы: германоязычной Лотарингии, Пикардии, романской Бретани, Анжу и Мэна, Прованса и провансальского Дофиня, восточного Лангедока, средиземноморского Лангедока, романской Лотарингии, Нормандии, Бургундии — см.: J. Séguy, Les Atlas linguistiques de la Fraine par régions, «Langue française», 1973. № 18 (mai), p. 70—71.

ние реалий становится самоцелью, как в ALG (специальная этнографическая анкета К. Равье). Некоторые исследователи саму задачу географии в этнографии («фольклористике») считают вспомогательной (прием иллюстрации)¹³, чему очевидно способствовала «атомарность» лингвистической карты, сказавшаяся и в приемах картографирования этнографических реалий и фольклора.

Для итальянской школы традиции комплексного подхода к явлениям народной культуры и языка оказались более прочными. Анкета нового лингвистического атласа Италии помимо 6678 лингвистических вопросов включает 1234 иллюстрации, отражающие лексику промыслов и ремесел. По этой программе У. Пеллисом было собрано в 727 пунктах 7310 фотографий соответствующих реалий. Значительное количество рисунков опубликовано в «Лингво-этнографическом атласе Корсики», круг лексики которого полностью соответствует тематике AIS (всего 2001 карта)¹⁴. Характерной является попытка создания «Историко-лингво-этнографического атласа Фриулии», пробные карты которого показывают, что этнография рассматривается авторами в качестве специальной задачи исследования¹⁵.

Наиболее репрезентативным из новых атласов в романистике является «Лингво-этнографический атлас Андалузии»¹⁶, этнографическая часть которого также достаточно последовательна. Так на листах 735—741 в масштабе 1:250 приводятся 134 плана основных видов жилищ, которые распределены по 14 типам и закартографированы на л. 742 на карте 806. Типы домов, их детали, внутреннее убранство, хозяйственные постройки, печи, колодцы, виды застроек широко представлены на фотографиях в приложении к третьему тому ALEA. Почти весь этнографический материал сопровождается параллельными терминологическими картами. В подходе к реалиям испанская лингвогеография, как и итальянская, опирается на опыт немецкой школы. Эти традиции нашли отражение в программе «Лингвистического атласа Пиренейского полуострова»¹⁷, подготовка которого была начата в 1924 г. Хотя первый том атласа и носит чисто лингвистический характер, в дальнейшем он должен приобрести этнографическую направленность.

В целом комплексность лингво-этнографических атласов остается на уровне исходных карт, и ALEA, например, распадается на самостоятельные лингвистическую и этнографическую части (хотя в составе атласа такое разделение и не проведено). Тем не менее единство опорной сети и соотносимость явлений языка и этнографических данных создают основу для сопоставления лингвистических ареалов с историко-этнографическими.

Явления разного порядка даже в системе языка (например, фонетика и лексика) будут иметь различные центры иррадиации, распространяться по разным законам и под влиянием различных причин. Еще более самостоятельными по отношению к языку выступают явления материальной культуры: совпадение лексических границ (изоглосс)

¹³ «Не преуменьшая ценности картографического метода, его вклада в лингвистику как такового, и не отрицая того значения, которое он мог бы иметь в изучении фольклора, мы убеждены, что при современном состоянии фольклористики Эльзаса первоочередным является систематический сбор сведений о народном быте. Атлас ...предстанет только как иллюстрация предварительных выводов, полученных в результате обследования всей совокупности выявленных данных» (H. D. Bogza, Notes sur une enquête de folklore en Alsace, «Orbis», t. V, № 1, 1956, p. 82). О понятиях «фольклористика» и «этнография» в европейской науке см.: К. В. Чистов. О взаимоотношении фольклористики и этнографии, «Сов. этнография», 1971, № 5, стр. 17—24.

¹⁴ «Atlante linguistico-etnografico italiano della Corsica», t. 1—10. Pise, 1933—1942.

¹⁵ «Saggio di carte e di commenti dell'ASLEF diretto da G. B. Pellegrini», Udine, 1969 («Studi linguistici friulani», I).

¹⁶ M. Alvar López e. a., Atlas lingüístico y etnográfico de Andalucía (ALEA), t. 1—4, Granada, 1961—1965.

¹⁷ «Atlas lingüístico de la Peninsula Ibérica», t. 1, Madrid, 1962.

с границами соответствующих реалий (изопрагм) будет проявляться скорее в виде случайности, чем закономерности¹⁸. Так, в ALEA для семи типов улья (долбленный улей, плетеные и дощатые и т. д.), дающих очень дробную ареальную ситуацию, преобладает термин *colpepa* в различных фонетических вариантах (см. карты 627—628 и табл. 628). Сопоставление наиболее архаичных типов улья с реликтовыми ареалами понятия *abeja* — пчела (карта 624) в данном случае может оказаться более показательным, чем прямое сопоставление предмета и его названия: размытый ареал — *id de la miel*, сохранившийся отдельными островками, нигде не совпадает с современными формами дощатых ульев, соответствуя в основном первому типу (долбленный улей) и четвертому (архаического типа улей цилиндрической формы).

Если, например, в лингвистических атласах славянских языков проведен принцип выявления ареальной оппозиции способом изолиний, установленных на значительном количестве исходных карт («Атлас словацкого языка», сводные карты «Атласа русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы»), то синтетическая карта романских атласов менее всего показывает противопоставленные диалектные различия. Чтобы преодолеть фактологическую дробность карты, необходимо предварительное рекартографирование данных атласа, сведение воедино значительного числа однозначных явлений, что даст возможность обнаружить ядро типичности диалекта или культурно-исторического ареала, региона.

В лингвогеографии, в частности в романской, достаточно хорошо разработаны вопросы выявления и дифференциации фонетических ареалов, в том числе реконструированных, лексические же ареалы практически остаются несопоставимыми. Можно выявить реликтовую лексику или инновации, установить фонетические или морфологические закономерности развития лексической системы, построить семантическую модель понятия или лексическое поле, но при этом исследование остается в рамках монографического описания лексической или семантической совокупности единиц по схеме «от слов к идеям». Лингвоэтнографические атласы именно благодаря параллельному картографированию обозначающего (слова) и обозначаемого (предмета) дают возможность конкретизировать лексико-семантическую систему. Но, очевидно, для реконструкции лингвистических или культурно-исторических ареалов не может быть рекомендована единая методика картографического анализа, как не существует ее и в общеметодологическом плане.

Фактическое отождествление истории слов с историей вещи у таких исследователей, как Р. Мерингер и Г. Шухардт, исходило из предпосылки автохтонного развития языков. Сложное развитие и взаимопроникновение ареалов в их исторической ситуации чаще приводит к заимствованиям, которые по-разному отражаются в явлениях культурного порядка и в языке. В последнем наиболее подвижен лексический уровень. Если фонетические рефлексy поддаются относительному упорядочиванию в пределах более или менее обширных переходных зон, лексическая карта остается по преимуществу «мозаичной». Ставшие классическими в романской лингвогеографии выводы Ж. Жильерона о примате «народной этимологии» над фонетической, о «терапевтических»

¹⁸ В статье не ставится вопрос об относительности выделяемых границ: имеются в виду достаточно широкие переходные зоны, или изоленты, генерализованное изображение которых и представляет собой соответствующие лингвистические или «этнографические» границы. Поскольку картографирование выступает в качестве метода анализа, вполне правомерно выделение опорных характеристик для подобного анализа в структуре картографического изображения (ядра типичности явления). Наибольшее количество информации для непосредственного анализа предоставляет метод изолиний, см.: В. В. Шкурков, Опыт оценки количества информации при выборе способа картографического изображения, «Геодезия и картография», 1972, № 2, стр. 56—58.

средствах языка, при помощи которых преодолевается возникающая в результате фонетической редукции омонимия слов¹⁹, опираются на данные лексической карты. Во всех случаях распределение лексических ареалов остается, однако, случайным, даже если речь идет о контактных явлениях, влияниях и заимствованиях. Выводы могут быть сделаны по аналогии или «по догадке», но и наиболее обоснованные из них превращают лингвистическую географию в «историю отдельных слов», по определению Ж. Жильерона. Так, например, понятие «носилки» (ALF № 297) дает преобладающий ареал литературной формы *civège*, значительными массивами проникающей с севера на юг, в разрушенный ареал лексемы *brancard*, при наличии отдельных островов некогда, вероятно, обширного ареала *bayard*. Понятия «волокуша» (ALF № 1322) и «повозка» (ALF № 235) показывают еще большее единство новых форм (соответственно *traîneau* и *char*), на фоне которых остались лишь отдельные островки диалектных слов или вклинивающихся заимствований.

Терминологические карты, однако, при всем отличии границ отражаемых понятий дают возможность провести изоглоссы²⁰, правомерность которых может быть доказана не только лингвистически (фонетическая или семантическая этимологизация), но и экстралингвистическими факторами — стоящими за ними реалиями. Общие для карт 235, 297 и 1322 формы *saGas*, *brancard*, *bagueu* и др. — не столько результат омонимии, сколько проявление отдельных этапов развития лексической системы. «Переходной» лексике соответствуют переходные типы объектов, промежуточные между «носилками» и «волокушей», «носилками» и «повозкой», «волокушей» и «повозкой», что подтверждают данные лингво-этнографических атласов. Привязка реалий к лингвистической карте конкретизирует это параллельное развитие слов и вещей. Столь же конкретно, вероятно, будет проявляться комплексность материала (привязка терминологии к картографируемым сюжетам) в этнографическом плане. Терминологическая система, отражая состояние соответствующих реалий, дает возможность исследовать эволюцию языка в тесной связи с эволюцией вещей, так как обозначающее (слово) зависит не только от причин языкового порядка, но подчиняется логике развития обозначаемого (предмета). Там, где закономерности в истории развития материальной культуры аналогичны, должны проявляться параллельные семантические сдвиги в лексике. Не обращение к «вещи», а параллельное сопоставление истории слов и истории вещей (бытовых реалий) в их функционировании и развитии может дать наиболее приемлемые результаты при изучении лексики²¹.

Лингво-этнографические атласы романских языков, несмотря на отсутствие последовательности в отборе и объеме привлекаемых этнографических данных, выявляют целый ряд реалий, в частности средств транспорта, сельскохозяйственных и ремесленных орудий, предметов

¹⁹ J. Gilliéron, *Pathologie et thérapeutique verbale*, Paris 1921, p. 29—51.

²⁰ Здесь в лингвистическом понимании термина, отражающем единство явлений, идущих внутри языка (закономерности лексической системы). Представляется правомочным ограничить употребление таких терминов, как «изофоны», «изоэтно», «изосоциали», применительно к содержанию стоящих за ними процессов, сохранив за картографическим отображением явлений нейтральный термин «изолиния».

²¹ В этом отношении показателен пример В. Пизани («Этимология», М., 1956, стр. 116): «Слово *carnevale* — „карнавал“ обязано своим именем ... *carcus navalis* — „колесница-корабль“ праздничных дionисийских и изидских процессов. Герман Узенер в своей книге о сагах, связанных с потопом, вполне справедливо относил к *carcus navalis* повозки в виде лодки, на которых римские дамы выезжали на прогулку в дни карнавала еще в XVIII в., а также различные немецкие *Nargenschiffe* Однако несомненно и то, что, начиная с античной эпохи, христиане видели в *car(ru)navale* уже указание на *carne* — „мясо“, с которым расставались на период всего последующего поста, и в этом смысле переделывали слово на тысячи ладов».

бытового окружения, обнаруживающих этот параллелизм в истории слов и вещей. Практически не освоены в атласах фольклорные сюжеты, а сведения о народных поверьях и отдельных элементах обрядов в основном разбросаны в комментариях. Картографирование полифункциональных ареалов, фольклора и обрядового действия требует дальнейшей разработки методов семантического анализа карты и соответственно приемов картографирования сложных семантических структур. Эта задача частично может быть решена на материале бытовой и ремесленной терминологии, образующей достаточно разветвленную систему понятий. Карты «сани-волокуши» и «повозка» дают для территории Франции более 70 наименований (по изданным атласам), которые далеко не однозначно соотносятся с не менее разветвленной системой транспортных средств — от бревна с развилкой, употребляемого в качестве волокуши, до повозок на автомобильном ходу.

При современном объеме ареальных исследований в лингвистике и этнографии можно было бы ограничиться согласованием программ тематических атласов, не объединяя в одно издание сведения о языке и материальной культуре. Даже при разной картографической основе (трудность, в конечном счете, преодолимая) это создало бы предпосылки для решения целого ряда проблем как общеметодологического, так и частного значения, связанных с техникой картографирования и картографического анализа, вопросами типологии ареалов, реконструкцией лингвистических и культурно-исторических ареалов. Для ряда регионов Франции, Италии и Испании указанные проблемы уже могут быть поставлены на достаточном количестве примеров.

LINGUISTIC-ETHNOGRAPHIC ATLASES OF THE ROMANCE LANGUAGES

The contents of linguistic-ethnographic atlases of the Italian, French and Spanish languages are described. The number of such atlases has greatly increased since the publication of the «Atlas of Language and Material Culture of Italy and Southern Switzerland» by K. Jaberg and J. Jud (1928—1940). The reasons are elucidated that have caused linguists to turn to an integrated description of the cultural-historical environment as a condition under which language functions. Mention is made of the importance of the ideas of R. Mehringer, H. Schuchardt, and M. L. Wagner in the emergence of the «word-and-object» method that has found its reflection in the practice of linguistic geography. The conclusion is reached that the ethnographic material amassed by linguistic geography remains on the whole extraneous to linguistic maps. The problem is posed as to the necessity of co-ordinating future programs of areal studies in linguistics and in ethnography with reference to their common needs and to the particular demands the two disciplines make upon thematic cartography. Of common interest are methods of mapping complex semantic structures and of comparing linguistic areas with the boundaries of corresponding phenomena in material and intellectual culture.